

Цзян Сюнь говорил довольно громко, так что все вокруг его услышали и обернулись. Он, задрав подбородок, стоял с надменным и высокомерным видом, совершенно не обращая внимания на странные взгляды других. Взяв книгу, он начал читать вслух:

- У крысы есть зубы, а у человека и чувства меры нет! Если у человека нет чувства меры, зачем ему жить...*

Лицо Тан Байшаня побледнело, а Чжуан Чжун невольно нахмурился. Хотя Цзян Сюнь никого не называл по имени, все понимали, кого он высмеивает. Такие завуалированные насмешки были самыми раздражающими: вступить в открытый конфликт означало бы выглядеть виноватым, словно пойманный вор, злящийся от стыда. А промолчать было неприятно и унижительно. Поэтому можно было наблюдать, как два человека явно ссорятся, но стоят спиной друг к другу, как будто каждый говорит сам с собой. Ты бросаешь оскорбление, я отвечаю тем же, но никто не называет имен. Это только раздражало посторонних наблюдателей: почему они еще не столкнулись и не подрались?

Тан Байшань поджал губы, его улыбка была натянутой, и он неуверенно еле слышно пробормотал:

- Сяньди*, Цзян Сюнь-сюн прямой человек. Возможно, только что...

- Громкие, напыщенные речи, они льются, словно звуки дицзы*, а лицо полно бесстыдства! Тому, кто вечно считает себя правым, нет места в этом зале! - Громко произнес мужчина в серебристо-красных одеждах с цветочным узором, держа в руке веер.

Тан Байшань, увидев пришедшего, сложил руки в приветствии:

- Юань-сюн.

Юань Лянцзюнь раздраженно сказал:

- Тан Байшань, ты, добряк, снова прикладываешься своей горячей щекой к холодному заду. Даже если ты бесхарактерный, не вводи в заблуждение других. Некоторые люди не поймут своего места, пока им не преподадут урок. Твои постоянные уступки приведут тебя не к безграничным высотам, а, скорее, к краю пропасти.

Тан Байшань от этих слов еще больше смутился и неловко кашлянул.

- Юань-сюн, мы все же соученики, может быть, не стоит...

Юань Лянцзюнь нетерпеливо прервал его:

- Хватит говорить про соучеников. Я, Юань, не испытываю никакого уважения к некоторым людям. Эта крыса из сточной канавы не знает стыда, она разгуливает по улице и думает, что в мире нет никого, кто мог бы ее остановить.

Юань Лянцзюнь не стеснялся высмеивать Цзян Сюня. Тот опустил книгу, его взгляд стал ледяным.

- Юань Лянцзюнь, кого ты называешь крысой?

Юань Лянцзюнь одним взмахом раскрыл веер, поднял брови и сказал:

- Того, кто ответит.

- Ты..., - Цзян Сюнь не ожидал, что Юань Лянцзюнь ответит так прямо. Он пришел в неопределимую ярость и воскликнул. - Обезьяна в шляпе*, притворяющаяся ученым, на самом деле просто вышитая подушка!*

Юань Лянцзюнь парировал:

- Сам не замечает, что он нищий и завистливый, а клеветает на других, что они пропитаны запахом меди*. Думает, что он чистый лотос, а на самом деле - грязь в пруду.

Двое оскорбляли друг друга так, что покраснели, и совершенно забыли о Тан Байшане и Чжуан Чжуне. Тан Байшань несколько раз пытался вмешаться, но оба отчитали его, чтобы он не лез не в свое дело. Даже тема их ссоры изменилась, перейдя в дискуссию о некоем политическом тезисе, а потом они и вовсе начали бросаться друг в друга примерами из истории. Это заставило Чжуан Чжуна вздохнуть с восхищением. Он понял, что точно проиграл бы в подобном споре: у него просто не было подобной базы.

Тан Байшань и Чжуан Чжун переглянулись и покачали головами с горькой усмешкой.

Тан Байшань сказал:

- Цзян-сюн и Юань-сюн словно острие иглы против колоска пшеницы*. Их ссоры - это те же состязания, не стоит относиться к ним слишком серьезно. Теперь, если я не слышу их споров в течение дня, мне начинает казаться, что чего-то не хватает.

Споры между учениками в Императорской академии были обычным делом. Они могли ругаться до потери сознания, но никогда не доходили до драки, чтобы не опорочить свой статус ученого. Это было похоже на придворные заседания: у каждого чиновника была своя точка зрения, но

это редко приводило к открытой борьбе. В основном они обменивались колкостями, доказывая свою правоту фактами и историческими примерами, всегда стремясь одержать верх. Но в итоге все заканчивалось ничем, и при следующей встрече они снова начинали спорить. Это явление можно было назвать особенностью Императорской академии: если в какой-то день не было слышно споров, значит, что-то произошло.

Цзян Сюнь и Юань Лянцзюнь были выдающимися учениками, но их происхождение было абсолютно противоположным - один был из крайне бедной семьи, другой - из крайне богатой. Их взгляды тоже были диаметрально противоположны, поэтому они совершенно не переносили друг друга.

В последующие дни Чжуан Чжун глубоко прочувствовал этот момент. Он не так часто пересекался с учениками Императорской академии, но когда это случалось, он всегда видел, как Цзян Сюнь и Юань Лянцзюнь спорят, словно готовы убить друг друга. Поначалу Чжуан Чжун беспокоился, что они бросятся в драку, но потом привык и спокойно проходил мимо. В итоге, как и сказал Тан Байшань, если он не слышал их споров в течение дня, ему становилось не по себе.

Отношение Цзян Сюня к Чжуан Чжуну оставалось плохим: каждый раз, когда они пересекались, он не мог не отпустить пару язвительных замечаний. Чжуан Чжун делал вид, что не слышит, и в конце концов Цзян Сюню это наскучило. Он просто стал игнорировать Чжуан Чжуна, и они вполне спокойно уживались в одной комнате.

Хотя Цзян Сюнь и был колючим, он был невероятно старательным. Он спал, положив книгу под подушку, и читал даже во время ходьбы. Просыпался он в иньши*, а ложился спать только в полночь. Иногда он и вовсе не спал, проводя ночи в библиотеке, но при этом каждый день выглядел бодрым и полным решимости, что вызывало у Чжуан Чжуна восхищение.

Из-за того, что они редко пересекались, их конфликт не усугублялся и Чжуан Чжун не чувствовал себя некомфортно, живя с Цзян Сюнем.

Ученики школы права, в отличие от учеников Императорской академии, были менее безрассудными и более сдержанными. Когда Чжуан Чжун пришел на свое первое занятие, к нему не было особого отношения, но не смог сразу влиться в группу.

- С древних времен правители управляли Поднебесной, и не было ни одного, кто бы не ставил закон и порядок во главу угла. Когда закон и порядок установлены, все следует своим путем и управление становится надежным, - учил доктор права Чжан Ши. - А чиновники, только зная закон, могут разрешать споры и судить по справедливости. Если не знать закон и вынести неверное решение, вы не будете уверены в себе и несправедливость не сможет быть устранена.

Начав учиться, Чжуан Чжун понял, что в Да Ю закону уделялось больше внимания, чем в его представлениях о «древнем мире». Здесь придерживались принципа «справедливость через закон». Хотя власть все еще была выше закона, эта династия была намного более просвещенной, чем многие другие.

После занятий Тан Байшань нашел Чжуан Чжун и спросил:

- Сяньди, у тебя есть свободное время? Я хотел бы обсудить с тобой математику.

Поскольку в Да Ю чиновники сдавали экзамен в том числе по праву, ученики Императорской академии часто приходили на уроки по праву, чтобы изучить законы и в будущем правильно разрешать дела. Поэтому Чжуан Чжун и Тан Байшань часто встречались, и Тан Байшань стал его первым другом во время учебы.

Однажды Тан Байшань бился над одной сложной математической задачей. Чжуан Чжун увидел его хмурое выражение лица и взглянул на задачу. Используя свои знания математики из современного мира, Чжуан Чжун быстро решил задачу, хотя и потратил много времени на объяснение решения. Поскольку математика использовалась везде и была очень практичной, в Императорской академии ей также уделялась большое внимание. Тан Байшань, увидев, что Чжуан Чжун очень силен в математике, стал приходить к нему за советом при каждой возможности, так они постепенно сблизились.

Чжуан Чжун еще не успел ответить, как стоявший рядом Юань Лянцзюнь сказал:

- Тан-сюн, не смущай его. Завтра выходной, у Чжуан-сяньди, наверное, есть другие планы.

Тан Байшань, вспомнив, хлопнул себя по лбу:

- Ах, вот у меня память! Я совсем об этом забыл.

Тан Байшань был не из столицы и не любил выходить из академии, поэтому не помнил о выходных. Чжуан Чжун тоже не всегда возвращался в имение хоу на праздники.

Отношение Вэньюань хоу к нему было неясным, и Чжуан Чжун, не понимая его мыслей, подсознательно не хотел к нему приближаться. Госпожа хоу была слишком любезна с ним, так что он не знал, как себя вести, а наложница Инь постоянно язвила. Все это заставляло Чжуан Чжун еще больше не хотеть возвращаться в место, которое и так не было для него родным.

- Ничего страшного, я не еду завтра домой.

Хань Чуань, сосед по комнате Юань Лянцзюня, сказал:

- Раз так, почему бы нам не собраться вместе сегодня вечером? Я знаю одно место, где подают очень вкусное блюдо - «головастик».

«Головастик» - это блюдо из муки. Муку разводят с водой и замешивают до состояния густой каши, которую затем продавливают через пароварку в кипящую воду. Когда лапша всплывает,

ее вылавливают ложкой. Затем ее заливают соусом из чеснока, мелко нарезанного зеленого лука, имбиря, кинзы и уксуса, а затем смешивают с зеленью. На вид эта лапша напоминает головастиков, отсюда и появилось название. Эта лапша очень нежная и ароматная.

Юань Лянцзюнь прищурился:

- Ты угощаешь?

Хань Чуань был известен своей любовью к мелкой наживе. Стоило немного ослабить бдительность, как он мог что-нибудь «прихватить» с собой и даже хвастался этим в разговорах с другими. Из-за такой его уловки его было неудобно и упрекнуть - как будто это ты сам оказывался жадным. Если бы не богатство и щедрость Юань Лянцзюня, Хань Чуань давно бы довел его до белого каления. Хань Чуань даже как-то пытался утащить головной убор Чжуан Чжуна, но он невозмутимо вернул его обратно.

Хань Чуань, который никогда ничем не делился, на этот раз похлопал себя по груди:

- Я угощаю! Обычно я ем и пью за ваш счет, так что в этот раз моя очередь!

Сначала все подумали, что он шутит. Чжуан Чжун даже предположил, что Хань Чуань, как и один из его старых друзей, сбежит, притворившись, что ему нужно в туалет. Но, к удивлению всех, им действительно не пришлось платить, и они ели в свое удовольствие. «Головастик» действительно было очень вкусным блюдом. Все ели одну миску за другой, пока не наелись. Воспользоваться Хань Чуанем было непросто, и многие из тех, кто пострадал от его жадности, хотели отомстить, заставив его раскошелиться.

Но Хань Чуань казался совершенно невозмутимым и призывал всех есть столько, сколько они хотели.

- Ну как? Блюдо простое, но вкус неплохой, да?

Даже Юань Лянцзюнь, который пробовал много изысканных деликатесов, согласился:

- Это действительно вкусно.

Чжуан Чжун тоже подумал, что это очень вкусно. Раньше он пробовал такую лапшу, но тогда она ему не понравилась. Каждый раз, когда она скользила по горлу, он чувствовал, как будто что-то щекочет его, словно он ел червей. Сначала он не хотел приходить, но Юань Лянцзюнь практически потянул его с собой, настаивая, что необходимо воспользоваться щедростью Хань Чуаня, поскольку такой возможности больше не представится. К его удивлению, блюдо оказалось действительно вкусным - скользким, но без неприятного ощущения в горле.

Юань Лянцзюнь тоже не был скромным. Узнав, что Хань Чуань угощает, он собрал целую

толпу, чтобы те присоединились к трапезе - по крайней мере, двадцать или тридцать человек столпились в лавке. Оказывается, сколько бы денег ни было, никому не хочется тратиться. Обычно они молчали, потому что это того не стоило, но, получив шанс, они нанесли удар.

Все ждали, что Хань Чуань выйдет из себя. Хотя сама лапша не была дорогой, огромное количество мисок привело к внушительному счету. Однако Хань Чуань казался совершенно невозмутимым и даже спросил, не хочет ли кто-нибудь забрать остатки на поздний ужин. Это всех озадачило, и они задались вопросом, не изменился ли он.

После еды группа отправилась обратно, привлекая к себе значительное внимание, когда шла по улице.

Юань Лянцзюнь, положив руку на плечо Хань Чуаня, сказал:

- Молодец. Я думал, ты жадный, как железный петух*, из которого не выдернуть ни перышка*, но, оказывается, это не совсем так.

Хань Чуань засмеялся:

- Мы же соученики, не стоит беспокоиться о мелочах. Если вам понравилось, в следующий раз я угощу снова. Если у меня не будет времени, просто запишите на меня.

Услышав это, все взбудоражились. «Головастик» действительно было очень вкусным блюдом, приготовленным из хороших ингредиентов. Все сказали, что хотят пойти поесть его снова. Многие ученики Императорской академии были из бедных семей. Хотя школа и давала им стипендию, ее было недостаточно, и они постоянно экономили. Если бы это был кто-то другой, им было бы неловко, но с Хань Чуанем они не стеснялись. Все присутствующие так или иначе пострадали от него: кто лишился дорогих кистей, туши, бумаги или тушечницы, а кто-то и простой нитки. Вещи могли быть и не дорогими, но сама ситуация очень раздражала.

Даже когда они вернулись в Императорскую академию, все еще были в приподнятом настроении. Чжуан Чжун усмехнулся про себя: большинство из них, хоть и были бедны, но не настолько, чтобы радоваться таким мелочам. Их радость была вызвана тем, что они смогли воспользоваться Хань Чуанем, что говорило о том, насколько сильно он раздражал людей.

Но когда появился Цзян Сюнь, его слова словно окатили всех ледяной водой:

- Длинный язык, но короткий ум.

Юань Лянцзюнь разозлился:

- Кого ты ругаешь!

- Того, кто ответит.

Юань Лянцзюнь презрительно фыркнул:

- Почему беден? Потому что ленив. Почему так язвителен? Потому что завидуешь.

Цзян Сюнь пришел в ярость и контратаковал:

- Богатство не продержится и трех поколений, и, в конце концов, оно недолговечно.

Обычно эти двое часто спорили, но никогда не говорили так открыто, сопровождая спор проклятиями. Те, кто стоял рядом и наблюдал, поспешили разнять их. Чжуан Чжун оттащил Цзян Сюня:

- Мы же соученики, давайте будем вежливыми.

В это время кто-то оттащил Юань Лянцзюня, и это предотвратило драку.

- Уберите свои грязные руки! - Гневно воскликнул Цзян Сюнь, глядя на них с отвращением.

Убедившись, что их разняли, Чжуан Чжун и Тан Байшань опустили руки. Цзян Сюнь, освободившись, поправил рукава и удалился, продолжая бормотать ругательства.

Тан Байшань вздохнул:

- С таким характером Цзян-сюн обязательно столкнется с большими трудностями, когда пойдет на государственную службу. Я просто надеюсь, чтобы он не совершит серьезной ошибки, иначе его талант пропадет зря.

- Почему он всегда цепляется к Юань Лянцзюню?

Цзян Сюнь был как еж, колючим и нелюдимым, а его язык был острым, как лезвие. Он успел уколоть каждого, кроме учителей. Но больше всех он недолюбливал Юань Лянцзюня. Он постоянно искал повод, чтобы придраться к нему.

Тан Байшань задумался и сказал:

- Они односельчане и, кажется, даже дальние родственники. К тому же они оба очень талантливы, и трудно сказать, кто из них лучше. На экзаменах ты либо превосходишь других, либо будешь растоптан. Один не уступает другому, и в итоге они постоянно ссорятся.

Чжуан Чжун понял. Такие люди могут либо стать лучшими друзьями, либо злейшими врагами. Юань Лянцзюнь был прямолинейным, но тоже с шипами, так что было бы странно, если бы он поладил с Цзян Сюнем.

Дни в школе текли довольно спокойно, поэтому Чжуан Чжун и подумать не мог, что той же ночью Юань Лянцзюнь будет убит.

Примечания:

* «У крысы есть зубы, а у человека и чувства меры нет! Если у человека нет чувства меры, зачем ему жить...» - Отрывок из Ши цзин (Книги песен) - древнейшего памятника китайской литературы, который в классическом виде содержит 305 народных и придворных песен и стихотворений различных жанров, созданных в XI-VI вв. до н. э. Это часть из стихотворения «□» - «Вид крысы»

* Сяньди - обращение к младшему брату, ученику или другу

* Дицзы - поперечная флейта, которую держат горизонтально

* Обезьяна в шляпе - □□□□ (mù hóu ér guà) - вымыть обезьяне голову и напялить на нее шляпу - про человека, пытающегося казаться более важным и значительным, чем он есть на самом деле

* Вышитая подушка - □□□□ (xiùhuā zhěntou) - вышитая подушка - внешне красивый, а на деле ничемный; пустышка

* Запах меди - □□ (tóngxiù) - пахнет медью - запах денег, про жажду наживы

* Острые иглы против колоска пшеницы - □□□□□ (zhēnjiǎn duì màimáng) - острые иглы против пшеничной ости - стоять на своем, не уступать ни в чем, упираться

* Иньши - время от 3 до 5 утра

* Железный петух - скупец, скряга

* «Не выдернуть ни перышка» - в оригинале 一毛不拔 (yīmáo bùbá) - не вырвет и волосок - скупой

<http://bllate.org/book/14926/1326268>